Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!

Бессовестные. Василий Макарович Шукшин

Старик Глухов в шестьдесят восемь лет овдовел. Схоронил старуху, справил поминки… Плакал. Говорил:

— Как же я теперь буду-то? Один-то?

Говорил — как всегда говорят овдовевшие старики. Ему правда было горько, очень горько, но все-таки он не думал о том, «как он теперь будет». Горько было, больно, и все. Вперед не глядел.

Но прошло время, год прошел, и старику и впрямь стало невмоготу. Не то что он — затосковал… А, пожалуй, затосковал. Дико стало одному в большом доме. У него был сын, младший (старших побило на войне), но он жил в городе, сын, наезжал изредка — картошки взять, капусты соленой, огурцов, медку для ребятишек (старик держал шесть ульев), сальца домашнего. Но наезды эти не радовали старика, раздражали. Не жалко было ни сальца, ни меда, ни огурцов… Нет. Жалко и грустно, и обидно, что родной сын — вроде уж и не сын, а так — пришей-пристебай. Он давал сыну сальца, капусты… Выбирал получше. Молчал, скрепив сердце, не жаловался. Ну, пожалуйся он, скажи: плохо, мол, мне, Ванька, душа чего-то… А чего он, Ванька? Чем поможет? Ну, повздыхают вместе, разопьют бутылочку, и он уедет с чемоданом в свой город-городок, к семье. Такое дело.

И надумал старик жениться. Да. И невесту присмотрел.

Было это 9 мая, в День Победы. Как всегда, в этот день собралось все село на кладбище — помянуть погибших на войне. Сельсоветский стоял на табуретке со списком, зачитывал:

— Гребцов Николай Митрофанович.

Гуляев Илья Васильевич.

Глухов Василий Емельянович.

Глухов Степан Емельянович.

Глухов Павел Емельянович…

Эти три — сыны старика Глухова. Всегда у старика, когда зачитывали его сынов, горе жесткими сильными пальцами сдавливало горло, дышать было трудно. Он смотрел в землю, не плакал, но ничего не видел. И долго стоял так. А сельсоветский все читал и читал:

— Опарин Семен Сергеич.

Попов Иван Сергеич.

Попов Михаил Сергеич.

Попов Василий Иванович…

Тихо плакали на кладбище. Именно — тихо, в уголки полушалков, в ладони, вздыхали осторожно, точно боялись люди, что нарушат и оскорбят тишину, какая нужна в эту минуту. У старика немного отпускало, и он смотрел вокруг. И каждый раз одинаково думал: «Сколько людей загублено!»

И тут-то он приметил в толпе старуху Отавину. Она была нездешняя, хоть жила здесь давно, Глухов ее знал. У старухи Отавиной никого не было в этом скорбном списке, но она со всеми вместе тихо плакала и крестилась. Глухов уважал набожных людей. За то уважал, что их — преследуют, подсмеиваются над ними… За их терпение и неколебимость. За честность. Он присмотрелся к Отавиной… Горбоносая, дюжая еще старушка, может легко с огородом управиться, баню истопить, квашню замесить и хлеб выпечь. Старик не мог есть «казенный хлеб» — из магазина. И вдруг подумал старик: «Тоже ведь одна мается… А?»

Пришел домой, выпил за сынов убиенных… И стал вплотную думать: «Продала бы она свою избенку, перешла бы ко мне жить. А деньги за избу пусть на книжку себе положит. И пусть живет, все не так пусто будет в доме. Хоть в баню по-человечески сходить, полежать после баньки беззаботно… На стол – есть кому поставить, есть кому позвать: „Садись, Емельян“. Жилым духом запахнет в доме! Совсем же другое дело, когда в кути, у печки, кто-нибудь громыхает ухватами и пахнет опарой. Или ночью, когда не спится, можно потихоньку поговорить… Можно матернуть бригадира колхозного, например. Она, правда, набожная, Отавиха-то, но можно же другие слова найти, не обязательно материться. У самого дело к концу идет, к могиле, – хватит, наматерился за жизнь. Да нет, если бы она пришла, было бы хорошо. Как ты ни поворачивайся, а хозяйка есть хозяйка». Так думал старик. Даже взволновался.

И вот выбрал он воскресный день, пошел к Ольге Сергеевне Малышевой, тоже уже старушке, но помоложе Отавихи, побашковитей. Эту Ольгу Сергеевну старик Глухов когда-то тайно очень любил. Тогда он был не старик, а молодой парень, и любил красивую, горластую Ольгу. Помышлял слать к Малышевым сватов, но началась революция. Объявился на селе некий молодец-комиссар, быстро окрутил сознательную Ольгу, куда-то увез. Увезти увез, а сам где-то сгинул. Где-нибудь с головой увяз в кровавой тогдашней мешанине. А Ольга Сергеевна вернулась домой и с тех нор жила одна. Как-то, тоже по молодости, но уже будучи женатым, Емельян Глухов заперся к Ольге Сергеевне в сельсовет (она работала секретарем в сельсовете) и открыл ей свое сердце. Ольга Сергеевна рассердилась, заплакала и сказала, что после своего орла-комиссара она никогда в жизни никого к себе близко не подпустит. Глухов попытался объяснить, что он – без всяких худых мыслей, а просто сказать, что вот – любил ее (он был выпивши). Любил. Что тут такого? Ольга Сергеевна пуще того обиделась и опять стала говорить, что все мужики не стоят мизинца ее незабвенного комиссара. И так она всех напугала этим своим комиссаром, что к ней и другие боялись подступиться. Но прошло много-много лет, все забылось, все ушло, давно шумела другая жизнь, кричала на земле другая – не ихняя – любовь… И старик Глухов и пенсионерка Ольга Сергеевна странным образом подружились. Старик помогал одинокой по хозяйству: снег зимой придет разгребет, дровишек наколет, метлу на черенок насадит, крышу на избе залатает… Посидят, побеседуют. Малышева поставит четвертинку на стол… Глухов все побаивался ее и неумеренно хвалил Советскую власть.

– Ведь вот какая… аккуратная власть! Раньше как: дожил старик до глубокой старости – никому не нужен. А теперь – пенсия. За што мне, спрашивается, каждый месяц по двадцать рублей отваливают? Мне родной сын – пятерку приедет сунет, и то ладно, а то и забудет. А власть – легулярно – получи. Вот они, комиссары-то, тогда… они понимали. Они жизни свои клали – за светлое будущее. Я советую, Ольга Сергеевна, стать и почтить ихную память.

Ольга Сергеевна недовольно говорила на это:

– Сиди. Чего теперь?.. Нечего теперь, – она теперь редко вспоминала комиссара, а больше рассказывала, как на нее «накатывает» ночами.

– Вот накатит-накатит – все, думаю, смертынька моя пришла…

– А куда накатыват-то? На грудь?

– А – на всю. Всю вот так вот ка-ак обдаст, ну думаю, все. А после рассла-абит всю – ни рукой, ни ногой не шевельнуть. И вроде я плыву-у куда-то, плыву-у, плыву-у.

– Да, – сочувствовал Глухов. – Дело такое – так и уплывешь когда-нибудь. И не приплывешь.

После того как старик Глухов схоронил жену, он еще чаще наведывался к Малышевой. Чего-нибудь делал по хозяйству, а больше они любили сидеть на веранде – пили чай с медом. Старик приносил в туеске мед. Беседовали.

– Тоскуешь? – интересовалась Малышева.

Глухов не знал, как отвечать – боялся сказать не так, а тогда Малышиха пристыдит его. Она часто – не то что стыдила его, а давала понять, что ему хоть и

семьдесят скоро, а стоит больше ее слушать, а самому побольше молчать.

— Тоскуешь?

— Так… — неопределенно говорил Глухов. — Жалко, конечно. Все же мы с ей… — пятьдесят лет прожили.

— Прожить можно и сто лет… А смысл-то был? Слоны по двести лет живут, а какой смысл?

Глухов обижался:

— У меня три сына на войне погибли! А ты мне такие слова…

— Я ничего не говорю, — спускала Малышиха. — Они погибли за Родину.

— Тоскую, конечно, — уже смелее говорил Глухов. — Сколько она пережила со мной!.. Терпела. Я смолоду дураковатый был, буйный… Все терпела, сердешная. Жалко.

— Сознание, сознание… — вздыхала Малышева. — Тесать вас еще и тесать! Еще двести лет тесать — тогда только на людей будете похожи. Вот прожил ты с ей пятьдесят лет… Ну и что? И сказать ничего не можешь. У меня в огороде бурьян растет… тоже растет. А рядом — клубника виктория. Есть разница?

— Ты чего сердишься-то? — не понимал Глухов.

— Есть разница, я спрашиваю?

— Сравнила… телятину с козлятиной.

— И буду сравнивать! Потому что один человек живет — горит, а другой — тлеет. У одного — каждая порочка содержанием пропитана, а другие… делают только свое дело, и все. Жеребцы.

— Не всем же комиссарами быть! — сердито возражал Глухов, обиженный за «жеребца».

— Пятьдесят лет прожил, — передразнила Малышева. — А из них — неделя наберется содержательная?

— Ну, содержания-то, слава богу, хватало, чего доброго. С избытком.

— Оно и видно! — Малышева собирала губы в куриную гузку. — Жеребцы.

Глухов чувствовал, что чем-то он ее злит, но никак не мог понять чем.

И все же он продолжал ходить к Малышевой. Иногда — так вот — поругивались, иногда ничего, мирно расходились. И вечер, глядишь, проходил незаметно.

В это воскресенье Глухов пришел к Малышевой без ничего — без топора, без ножовки. Пришел поговорить. Посоветоваться. Пришел просить помощи.

— Я, Сергеевна, за советом. Помоги.

— Что такое случилось? — навострилась Малышева. Она любила давать советы.

— Ты старуху Отавину знаешь?

— Ну.

— Поговорила бы ты с ей — не согласится ли она ко мне в дом перейти? А свою избу пускай продаст. Или так: пускай пока заколотит ее, поживем — уживемся — тогда уж пускай продает. Чтоб не рисковать зря. Как думаешь? Я один не осмелюсь с ей говорить, а ты сумеешь. Я не обижу ее… На четырех-то ногах, хоть они у нас не резвые теперь, но все же покрепче стоять можно. Как думаешь? — Глухов непривычно для себя много и скоро тараторил — ему было неловко. — Думал я, думал и вот — надумал. Чижало одному, ну ее к черту. Да и ей, я думаю, тоже полегче будет. Как

думаешь?

Малышева очень была удивлена. Так была удивлена, что сперва не нашлась, что сказать путное.

— Жениться собрался?

— Ну, жениться… это… какая уж это женитьба? Так — сойдемся для облегчения.

— Юридически — это все равно женитьба. Чего ты хвостом-то виляешь?

Глухов опешил.

— Ну — жениться. А что, это не поощряется?

Малышева внимательно и как-то с отчуждением, с каким-то скрытым враждебным значением посмотрела на старика.

— А она согласна? Хотя, ты говоришь, не успел с ей…

— Не знает она! Вот и пришел-то просить: поговорила бы ты с ей. Где поговорила, где и — уговорила. Она старушка верующая, может, скажет — грех… А какой грех? Так-то разобраться-то. Я одинокий, она тоже одинокая…

— У нее дочь в городе.

— Да это-то!.. Это и у меня вон сын в городе. Толку-то от их нынче. А мы бы как-нибудь и скоротали бы остаток жизни-то. Кто первый помер — есть кому схоронить.

— У вас же дети! — вдруг нервно возвысила голос Малышева. — Чего вы сиротинками-то казанскими прикидываетесь?

Глухов замолк. И в свою очередь внимательно и сердито посмотрел на Малышиху. Чего она злится? Она же вся изозлилась. Чего?

— Ты чего, Сергеевна? — спросил.

— Я ничего. Вы жениться-то надумали, не я. А ты меня спрашиваешь: чего я? Я-то ничего.

— Чего-то сердишься…

— Да нисколько! Вона, буду я еще сердиться. Женитесь! Поговорить надо с Отавихой? Поговорю, — теперь засуетилась Малышева, затараторила тоже. — Позову ее, и поговорим, мне не трудно. Узнаю: согласна она или нет? Чего же мне сердиться? Смеяться-то над вами, шутами, будут, не надо мной.

— Как так?

— Что?

— Смеяться будут?

— А что — радоваться?

— Да разве не бывает так — старики сходются…

— Бывает, бывает. Давай завтра приходи в обед… Я ее позову пораньше, обговорю с ей сперва, а ты попозже, к обеду, приходи. Бывает так, бывает. Сколько угодно! Я поговорю с ей, не беспокойся. Поговорю.

Старик Глухов ушел от Малышевой с неясным чувством. Какой-то подвох чуял со стороны Малышихи. Странная какая-то старуха, ей-богу. Чего-то все нервничает, злится. Всех бы она переделала, перекроила… Всех бы она учила жить, всех бы судила. Старик даже подумал: не вернуться ли да не сказать ей, что — не надо никакой ее помощи, сам как-нибудь управлюсь. Даже остановился и постоял. И решил, что — ладно, черт с ней, пусть поговорит. У самого все равно не так

выйдет – не сумеет ладом поговорить. Пусть злится, а дело пусть сделает.

На другой день у старушек – Малышевой и Отавиной – состоялось свидание. И состоялся разговор.

Отавиха пришла к Малышевой, первым делом глянула в передний угол (нет ли иконки?), скромно присела на краешек плюшевого дивана. Поздоровалась.

– Я чего призвала тебя, – сразу начала Малышиха. – Глухова старика знаешь?

– Емельян Егорыча? Знаю, как же. У его трех сынов убило…

– Так вот он хочет на тебе жениться, – Малышева отчеканила слова, как семь аккуратных пельменей загнула. – Ты согласна?

– Свят, свят, свят! – перекрестилась Отавиха. – Да он что?!

– А что? – как-то даже развеселилась Малышиха. – Вы одинокие… Ты подумай, подумай сперва, не торопись отвечать. Он такой же козел, как все, но поможет дожить остаток жизни. Как сама-то думаешь? Избу говорит, можно пока не продавать, можно заколотить; если уживетесь, тогда уж можно, мол, продать, а деньги – на книжку. Как думаешь-то?

– Да как я могу думать? – искренне не знала старуха Отавина. – У меня и думы-то все из головы убежали. Как же – с бухты-барахты – выходи замуж, – Отавиха мелко, искренне посмеялась. – Эдак-то рассудка можно лишиться. Вот так невеста!

– Ну, и он тоже – жених. Как все же?

– Да погоди ты, Сергевна, не колготись, дай с духом собраться…

– Он придет счас. За ответом.

– Эка! – Отавиха даже привстала с дивана и поглядела на дверь. И опять села. – Вот задача-то!

– Ну, я гляжу, ты уж почти согласная.

Старуха Отавина вдруг серьезно задумалась.

– Я тебе так скажу, Сергевна: он старик ничего, не пьет, не богохульничает особо, я не слышала. Только… – Отавина посмотрела на сваху. – Так-то бы оно – што? Бывают – сходются, старики, живут…

– Бывает.

– А ну-ка да он ночами приставать станет?

Малышева даже рот открыла.

– Как?

– А как? Так. Они знаешь какие! Перьво-наперьво я бы желала знать и быть в надежде, што он приставать не станет. И штоб не матершинничал. Табак курит… Ну, тут уж… все курют, тут не укоротишь.

– Так ты согласная? – изумилась Малышева.

– Погоди-ка, не гони-ка коней. Я вот и говорю: много у меня всяких условиев получается. То – нельзя, это – нельзя… А старик подумает да и скажет: «Чего же тада и можно-то?» И все наше сватовство-то само собой и распадется, – Отавиха опять мелко засмеялась. – Вот не думала, не гадала… Господи, господи. Оно бы – так-то чего? У меня вон товарка моя задушевная бывшая в Буланихе, где я раньше жила, тоже вот так вот: пришел старик, тары-бары, а потоми говорит: «Давай, мол, Кузьмовна, вместе жить». И жили. Он, правда, уж умер года два как… А она живет в его доме. И хорошо жили, я знаю. Сколько?.. Годов пять жили. Ничо, не обижал ее. К концу-то жизни люди умней делаются. Счас вон… поглядишь на нонешних-то… господи, господи!.. Поглядишь, и ничего не скажешь. Оно бы, знамо, и мне в покое

бы дожить да в тепле… Избенка-то у меня вся прохудилась, рада, что уж зима кончилась – никак ее не натопишь. Топишь-топишь, топишь-топишь, а все как под решетом.

– А к дочери-то почему не едешь?

– Куда-а! Сами ютятся там на пятачке… Жила. Внуки-то маленькие были, жила. Измучилась. Все измучились. А теперь уж ребятишки-то в школу пошли, так я уж рада-радешенька, хоть мне эту-то избенку купили. Свой-то дом в Буланихе я продала. Когда дочь-то замуж-то вышла, продала. Крестовый дом был, сто лет ишо простоит. Продала, што сделаешь. Им на капиратив надо, а где взять? Он с армии демобилизовался, зять-то, моя тоже – техникум только закончила. Давай, мол, мама, продадим дом. А тебе, мол, потом купим, если с нами жить не захочешь. Вот и жила, ребятишек вынянчила, а потом уж – нет, давайте, говорю, покупайте мне хоть маленькую избушку. Не могу в городе, с души воротит. Ну помялись, помялись, нашли денег на избу. В Буланихе-то постройки дорогие, здесь подешевле, вот я здесь и оказалась. Оно бы, конешно, так-то… на старости-то лет… в тепле бы пожить… Не мешало бы.

Старик Глухов знал, что разговор у старух состоится, но какой – не ведал. На всякий случай он надел новый пиджак, прихватил бутылочку наливки, туесок меду и пошел к Малышевой.

Пришел… Поздоровался. Смутился чего-то, поставил на стол бутылку, туесок… Полез за кисетом.

– Ты погоди с бутылкой-то, погоди, – сказала Малышиха. – Не торопись.

У старика упало сердце. А он уж крепко настроился на совместную жизнь с Отавиной, все продумал – выходило все хорошо. Что же?

– Выслушала я вас обоих… Конечно, эта ваша личная жизнь, вы можете сходиться… Люди с ума сходят, и то ничего. Но хочу все же вас спросить: как вам не совестно? А? – Малышева бросала эти слова в лицо Глухову и Отавиной. С какой-то необъяснимой жестокостью, от всего сердца, наболевшего тайной какой-то болью, бросала. Бросала и бросала, как ни краснели, ни вертелись на месте, как ни страдали эти, потерявшие всякую совесть жених и невеста. – Как же вы после этого на белый свет глядеть будете? А? Да люди всю жизнь живут одинокие… Я всю жизнь живу одинокая, с двадцати трех лет одинокая… А что, ко мне не сватались? Сватались. Не ходили по ночам, не стучали в окошко? Ходили. Стучали. Ты, Глухов, не приходил ко мне в сельсовет, не говорил, что жить без меня не можешь? Не приходил? Ну-ка, скажи.

Глухов готов был сквозь землю провалиться.

– Я по дурости… выпимши был, – признался он. – Я не сватался… Чего ты? Зря-то. Я, мол, в те годы, когда-то…

– По дурости! А теперь он умный стал – в семьдесят лет жениться надумал. Умник. А ты-то, ты-то!.. «Посмотрю, подумаю… в тепле пожить». Эх ты, богомольница! Туда же… На других пальцем показываете – грех. А сами? Какой же вы пример подаете молодым! Вы об этом подумали? Вы свою ответственность перед народом понимаете? – Малышиха постучала сухими костяшками пальцев по столу. – Задумались вы над этим? Нет, не задумались. Эгоисты. Народ сил своих не жалеет – трудится, а вы – со свадьбой затеетесь… на выпивку людей соблазнять и на легкие отношения. Бессовестные.

– Да какая свадьба?! – воскликнул Глухов. Отавиха, та слова не могла вымолвить. – Сошлись бы потихоньку, и все. Какая свадьба?

– Совсем, как… подзаборники. Тьфу! Животный.

– Ну, это!.. знаешь! – взорвался старик. – Пошла ты к… – и выругался матерно. И вышел вон, крепко хлопнув дверью.

А за ним следом вышла и Отавиха. Какой – вышли, вылетели, как ошпаренные. За воротами, не глядя друг на друга, устремились в разные стороны, хоть обоим надо одним переулком идти – до росстани.

Старик Глухов дал по селу хорошего кругаля и пришел домой. И плевался, и матерился, места не мог найти… Сгоряча даже подумал: «Подожгу стервозу такую».

Он, конечно, не поджег Малышеву. Но ходить к ней зарекся. А когда встречал ее на улице, отворачивался. Не здоровался.

А Отавиха в город ездила, в церковь, — грех замаливать. Очень страдала старуха, встречаться с Малышевой избегала.

Малышева же никому, ни одному человеку в селе не рассказала про редкостное сватовство. И Глухов, и Отавиха ждали, что она всем расскажет. Нет, не рассказала.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!